

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Процессуальные гарантии неприкосновенности личности в уголовном
процессе РФ»

Обучающийся

Ю.В. Новокрещенова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, А.С. Таран

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Неприкосновенность личности является естественным неотчуждаемым правом личности, гарантированным Конституцией РФ.

При этом уголовно-процессуальным законодательством тщательно регламентирована процедура правомерного ограничения неприкосновенности личности. И тем не менее, в практической деятельности случаи необоснованного ограничения неприкосновенности личности встречаются часто.

Целью исследования является правовой анализ сущности принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие задачи:

- определение места неприкосновенности личности в системе принципов уголовного процесса;
- выявление значения принципа неприкосновенности личности в решении задач уголовного процесса;
- установление допустимости и пределов ограничения права на неприкосновенность личности в ходе расследования уголовного дела;
- характеристика процессуальных гарантий неприкосновенности личности в уголовном процессе;
- выявление проблем в реализации принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе.

Структура бакалаврской работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Содержание принципа неприкосновенности личности	7
1.1 Неприкосновенность личности как принцип уголовного судопроизводства.....	7
1.2 Роль принципа неприкосновенности личности в реализации назначения уголовного судопроизводства	19
Глава 2 Гарантии реализация принципа неприкосновенности личности	26
2.1 Пределы ограничения неприкосновенности личности на стадии предварительного расследования.....	26
2.2 Уголовно-процессуальные гарантии неприкосновенности личности.....	33
2.3 Проблемы реализации принципа неприкосновенности личности и пути их решения.....	40
Заключение	46
Список используемой литературы и используемых источников.....	49

Введение

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы, являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Неприкосновенность личности является естественным неотчуждаемым правом личности.

Часть 1 ст. 22 Конституции РФ гарантирует право на личную неприкосновенность. Однако в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ говорится об ограничении данного права путем заключения под стражу в соответствии с судебным решением или задержания на срок не более 48 часов.

Данные конституционные положения в свою очередь нашли отражение в виде принципа неприкосновенности личности в уголовно-процессуальном законодательстве.

Безусловно, поскольку, как отмечено выше, речь идет о конституционном праве личности, а его ограничение является исключением из правил, уголовно-процессуальным законодательство тщательно регламентирована процедура правомерного нарушения неприкосновенности личности. В то же время в практической деятельности случаи необоснованного ограничения неприкосновенности личности встречаются часто.

Данные статистики свидетельствуют о том, что за последние три годы число случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу остается примерно на одинаковом уровне. Так, в 2022 году всего заключено под стражу 87687 человек, в 2021 году данная цифра составила 87905 человек, а в 2020 году – 84917 человек [57].

Степень разработанности темы. Сущность принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе РФ исследуется учёными уже давно. Исследуется как понятийный аппарат, так и допустимость ограничения неприкосновенности личности. Соответственно значительное

количество работ посвящено вопросам, связанным с применением мер процессуального принуждения в виде задержания и заключения под стражу.

Данная работа является продолжением ранее проведенных научных исследований с учетом изданных нормативно-правовых актов в текущем году и наработанных материалов судебной практики.

Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, возникающие в связи с реализацией права на неприкосновенность личности.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие принцип неприкосновенности личности и связанные с ним меры уголовно-процессуального принуждения.

Целью исследования является правовой анализ сущности принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие задачи:

- определение места неприкосновенности личности в системе принципов уголовного процесса;
- выявление значения принципа неприкосновенности личности в решении задач уголовного процесса;
- установление допустимости и пределов ограничения права на неприкосновенность личности в ходе расследования уголовного дела;
- характеристика процессуальных гарантий неприкосновенности личности в уголовном процессе;
- выявление проблем в реализации принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе.

Методологическая основа исследования. В работе использовался системный подход, применялись общенаучные и частно-научные методы исследования. В числе общенаучных методов были использованы такие как

анализ, синтез, обобщение, формально-логический, а из частно-научных: формально-юридический, сравнительно-правовой и другие.

Нормативно-правовую основу исследования составили: Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

Теоретическую основу составили труды следующих российских авторов: С.С. Безруков, С.И. Вершинина, А.А. Кайгородов, К.Б. Калиновский, Э.К. Кутуев, С.Б. Россинский, Е.А. Семёнов, В. Семенцов, А.В. Смирнов, Р.М. Хазиев, М.А. Щербакова и других.

Структура исследования. Работа включает в себя: введение, две главы, состоящие из пяти параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Содержание принципа неприкосновенности личности

1.1 Неприкосновенность личности как принцип уголовного судопроизводства

Принципы уголовного процесса закреплены в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). На сегодняшний день УПК РФ насчитывает шестнадцать принципов.

Как отмечается в одном из учебных пособий, под уголовно-процессуальными принципами следует понимать «юридически оформленные руководящие положения, мировоззренческие идеи, закрепляющие наиболее общие и существенные свойства уголовного процесса, которые выражают его природу, социальную сущность и направленность, определяют основные правила уголовно-процессуальной деятельности» [20, с. 25]. Авторы другого пособия трактуют принципы уголовного судопроизводства как «закрепленные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве основы создания и направленности всей соответствующей отрасли права, которые наиболее полно выражают содержание уголовно-процессуальных правоотношений, тесно взаимосвязаны с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства, являются общими для всех стадий уголовного процесса, оказывают регулятивное и охранительное воздействие по отношению ко всем остальным уголовно-процессуальным нормам» [28, с. 46].

Таким образом, в целом все принципы, закрепленные в УПК РФ, можно охарактеризовать как базис, на котором основан весь уголовный процесс.

Все принципы главы 2 УПК РФ систематизированы.

С.Н. Клоков, М.А. Савкина характеризуют систему принципов уголовного процесса как логически упорядоченную «совокупность наиболее общих мировоззренческих идей относительно должного в уголовном судопроизводстве, которая в своих проявлениях и во взаимодействии с целью уголовного процесса определяет его сущность» [20, с. 27].

«Только система принципов в их совокупности может гарантировать достижение целей уголовного процесса» [50, с. 63].

В свою очередь И.С. Лапаев и А.Б. Алейникова указывают шесть критериев построения системы принципов уголовного судопроизводства:

- «принципы представляют собой основы создания и направленности уголовно-процессуального права;
- принципы должны быть закреплены в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в виде системы правовых предписаний;
- принципы наиболее полно выражают содержание уголовно-процессуальных правоотношений;
- принципы тесно взаимосвязаны с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства, с учетом положений международных актов по правам человека;
- принципы являются общими для всех стадий уголовного процесса;
- принципы оказывают регулятивное и охранительное воздействие по отношению ко всем остальным уголовно-процессуальным нормам» [28, с. 46].

Упорядоченность принципов проявляется в том, что они располагаются в определенном порядке с учётом их классификации на виды по определенным основаниям.

Анализ учебной литературы по данному вопросу свидетельствует об отсутствии единства мнений в части классификации принципов уголовного процесса.

Так, С.Н. Клоков и М.А. Савкина выделяют два основания классификации принципов: по источнику закрепления и по типу уголовного процесса [20, с. 26].

И.С. Лапаев, А.Б. Алейникова классифицируют принципы по трем основаниям: в зависимости от источника (здесь авторы солидарны с позицией С.Н. Клокова и М.А. Савкина); в зависимости от распространенности действия

общего положения; в зависимости от характера влияния общих положений [28, с. 47-48].

По мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, принципы уголовного процесса необходимо классифицировать на четыре группы: по степени общности (абстрактности); по источнику закрепления (здесь опять же мнения всех авторов сходятся); по сфере действия; по типам уголовного процесса (как С.Н. Клоков и М.А. Савкина) [55, с. 81]. Такого же четырехчленного деления придерживаются и другие авторы [58, с. 64].

Наша задача заключается в том, чтобы установить какое место в рассматриваемой системе принципов занимает неприкосновенность личности. Для этого, прежде всего, необходимо определить понятие и сущность данного принципа.

Принципу неприкосновенности личности посвящена ст. 10 УПК РФ. Из анализа данной нормы следует, что как таковое понятие неприкосновенности личности здесь не даётся [59]. Данная терминология разрабатывается в научной доктрине.

Прежде всего необходимо отметить, что термин «неприкосновенность» в отрыве от «личности» трактуется широко в различных отраслях права в зависимости от предметной направленности.

Так, в цивилистике, учитывая, что гражданское законодательство ориентировано на регулирование имущественных и личных неимущественных отношений, в части «неприкосновенности» акцент сделан на собственность, жилище, авторство, честь, достоинство и деловую репутацию [21, с. 81].

В свою очередь в информационном праве применительно к рассматриваемому термину ученые считают актуальным вопрос о неприкосновенности личности на предмет «сбора, хранения и передачи персональных данных, а также в развитии современных технологий» [11, с. 5], [16, с. 158].

Таким образом, термин «неприкосновенность» трактуется широко, охватывая в целом запрет воздействовать на конституционные права и свободы человека и гражданина.

Что касается понятия «личность», то здесь также существует множество определений в зависимости от той области знаний, где исследуется данная категория. Так, в философии проводится разграничение понятие «личность» и «человек». Иными словами, не каждый человек признаётся личностью, а только тот, который в процесс своего становления и развития приобретает определенные интеллектуальные и психические качества («степень разумности») [40, с. 84]. Схожая точка зрения высказывается и в юридической литературе: «Личностью не рождаются, ею становятся. Ребенок не личность, душевнобольной тоже» [30, с. 35].

Однако, если обратиться к положениям Конституции РФ, то ее глава 2 поименована как «Права и свободы человека и гражданина». В ч. 2 ст. 17 Конституции РФ прописано, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [25]. В свою очередь ч. 1 ст. 22 Конституции РФ в части «неприкосновенности» гласит «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [25]. Соответственно термин «каждый» следует применять к любому человеку и гражданину, независимо от того является ли он личностью в том смысле, который озвучен выше». В другом нормативно-правовом акте, напрямую касающемся уголовно-процессуальных отношений в силу того, что является их материально-правовой основой, Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ), раздел VII именуется «Преступления против личности». Здесь расположены составы общественно опасных деяний, посягающие на основные конституционные прав и свободы человека и гражданина, в том числе связанные с нарушением неприкосновенности личности. Из содержания уголовно-правовых норм раздела УК РФ следует, что несмотря на использование термина «личность» в его наименовании и наименовании некоторых глав раздела (например, Глава 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности»), уголовно-

правовая охрана направлена на защиту человека от преступных посягательств. К примеру, ч. 1 ст. 127 УК РФ гласит «незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением...» [60].

Таким образом, термин личность в правовом смысле необходимо отождествлять с понятием «человек и гражданин». Недаром в литературе высказывается резонное предложение о замене в уголовно-процессуальном законодательстве понятия «личность» на понятие «человек и гражданин» [18, с. 55].

Также с учётом вышесказанного термин «личность» может ассоциироваться только с физическим лицом.

Что касается непосредственно права на неприкосновенность личности, то авторы одного из учебников по уголовному процессу под таким правом понимают гарантированную государством свободу человека, которая выражается в недопущении посягательств на определенные нематериальные блага, а именно:

- «физическую неприкосновенность (жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу);
- нравственную неприкосновенность (честь, достоинство, нравственную свободу);
- психическую неприкосновенность (нормальное течение психических процессов);
- личную безопасность (предоставление человеку возможности располагать собой, своим свободным временем, по своему усмотрению определять место пребывания, не находиться под наблюдением или охраной)» [58, с. 73].

Схожую точку зрения высказывают теоретики в области конституционного права, которые физическую и (или) психическую неприкосновенность человека от постороннего воздействия других лиц также считают частью понятия «свобода» [23, с. 37].

Однако в УПК РФ закрепляется не право на неприкосновенность личности, а принцип неприкосновенности личности, который является одним из выражений права, декларируемого в ст. 22 Конституции РФ

Иными словами, право на неприкосновенность личности нельзя отождествлять с принципом неприкосновенности личности.

Так, М.А. Щербакова по этому поводу пишет следующее: «В Конституции речь идет о субъективном праве, в УПК РФ – об основополагающем, концептуальном положении, на основании которого строится вся уголовно-процессуальная деятельность, включая обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, обеспечить реализацию конституционного субъективного права» [65, с. 101]. В том же ключе рассуждают и другие учёные: «простое дублирование конституционного права в качестве принципа уголовного судопроизводства не может являться средством эффективного обеспечения и защиты прав и свобод человека» [5, с. 31], «поскольку принцип является основой механизма, распространяющегося на все стадии уголовно-процессуальной деятельности, представляя собой важнейшую процессуальную гарантию» [41, с. 70].

В продолжение перечисленных позиций авторов, необходимо обратить внимание, что конституционное право на свободу и личную неприкосновенность находит отражение не только в принципе неприкосновенности личности, закреплённом в ст. 10 УПК РФ, но и в других уголовно-процессуальных принципах уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ) [59].

Также соблюдение данного права гарантируется, например, УК РФ в виде запретов на нарушение личной неприкосновенности под угрозой установления ответственности за посягательства на данные блага человека и гражданина.

Важно отметить, что в законодательной формулировке принципа неприкосновенности личности не используется термин «свобода», в отличие от учебной литературы [58, с. 73], [20, с. 32].

В этой связи М.А. Щербакова при анализе принципа неприкосновенности личности резонно обращает внимание на соотношение понятий «свобода личности», «неприкосновенность личности» и «личная неприкосновенность» [65, с. 101]. В итоге автор приходит к справедливому выводу, что «процессуальный принцип неприкосновенности личности не означает его ограниченное действие, охватывающее лишь право на личную неприкосновенность. Напротив, принцип неприкосновенности личности подчеркивает и усиливает роль права на личную неприкосновенность, подразумевающего защиту от произвольного ограничения свободы личности» [65, с. 102].

Так, из анализа положений ст. 10 УПК РФ следует, что «сущность принципа неприкосновенности личности здесь выражается в следующем:

- в указании на исключительные обстоятельства, при которых допускается нарушение неприкосновенности. Это применение мер процессуального принуждения в виде задержания и заключения под стражу в соответствии с УПК РФ;
- в указании основных требований к задержанию и содержанию под стражей: соблюдение срок задержания и содержания под стражей (срок задержания не более 48 часов до получения судебного решения, освобождение при нарушении сроков); содержание в условиях, исключающих угрозу жизни и здоровью задержанного или лица» [59].

Как отмечается в доктрине относительно содержания принципа неприкосновенности личности, он включает физическую неприкосновенность, которая может быть законно ограничена, «... когда в интересах раскрытия преступлений приходится жертвовать некоторыми основными правами граждан» [58, с. 73] «путем применения мер

процессуального принуждения, и производства определенных следственных действий» [63, с. 36].

Учитывая, что задержание и заключение под стражу – это меры процессуального принуждения, связанные с лишением человека свободы, то, соответственно, «свобода» является компонентом рассматриваемого принципа. Кроме того, задержание подозреваемого может сопровождаться проведением личного обыска, что связано с нарушением личной неприкосновенности человека.

Также необходимо обратить внимание, что принцип неприкосновенности личности содержит и элемент «личной безопасности», упомянутой выше. Это выражается в том, что ч. 3 ст. 10 УПК РФ закрепляет запрет на содержание в условиях, исключаящих угрозу жизни и здоровью [59].

С нашей точки зрения, принцип неприкосновенности личности не ограничивается только физической неприкосновенностью. Определенным образом он затрагивает и психическую неприкосновенность, что подтверждается и самим законодателем. Например, ч. 3 ст. 133 УПК РФ предусматривает право на возмещение вреда, причиненного лицу, незаконно подвергнутому уголовно-процессуальному принуждению, прежде всего, задержанию или мере пресечения в виде заключения под стражу (абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 [43]). Соответственно, в ст. 136 УПК РФ говорится о возмещении морального вреда [59]. При этом под моральным вредом в ст. 151 Гражданского кодекса РФ понимаются не только физические, но и нравственные страдания [12].

Более подробно вопрос о содержании принципа неприкосновенности личности будет проанализирован в главе 2 настоящей бакалаврской работы.

В рамках же данного параграфа мы теперь рассмотрим вопрос о месте неприкосновенности личности в системе принципов уголовного процесса, с учетом приведенной выше классификации.

Так, по источнику закрепления принципы классифицируют на конституционные, т.е. отраженные в международно-правовых актах и Конституции РФ, и специфические (неконституционные, отраслевые), т.е. нашедшие закрепление в УПК РФ [20, с. 26], [27, с. 47], [58, с. 64]. Правда, есть авторы, критически относящиеся к подобного рода дифференциации, обосновывая свою позицию тем, что это может неправильно сориентировать органы предварительного расследования и суда, создав у них ошибочное представление о существенности нарушений только конституционных положений [15, с. 36].

Позволим не согласиться с таким мнением. Как нам кажется, деление принципов на конституционные и неконституционные позволяет акцентировать внимание на важности тех уголовно-процессуальных принципах, которые основываются на положениях Конституции РФ, что, однако, ни в коей мере не умаляет значимость неконституционных принципов.

Так, как неоднократно отмечалось выше, принцип неприкосновенности личности вытекает из положений ст. 22 Конституции РФ, а также основывается на нормах ряда международно-правовых актов. Так, право на свободу и личную неприкосновенность было провозглашено в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [10]. Затем данное право получило закрепление в ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в г. Риме 04.11.1950 (на сегодняшний день данная Конвенция прекратила действие на территории РФ с 16.03.2022г.) [24], и в ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН [31]. В содержательном плане нормы этих международно-правовых актов схожи с нормами Конституции РФ.

Таким образом, по источнику закрепления принцип неприкосновенности личности относится к первой группе, то есть к конституционному принципу.

По типу уголовного процесса также выделяют две группы принципов – принципы розыскного и состязательного (публично-состязательного) процессов.

К чертам первой группы принципов относят «официальность (должностную инициативу) и инструктивность (чрезмерную регламентацию)» [20, с. 26], [55, с. 66]. К этой группе принципов относят те, которые обосновывают обязанности органов предварительного расследования и суда по собственной инициативе устанавливать истину, принимать решения вне зависимости от волеизъявления заинтересованных лиц, а также предполагают концентрацию у указанных субъектов уголовного процесса тех полномочий, которыми не наделяются и не могут быть наделены такие участники процесса как обвиняемый и потерпевший [50, с. 13]. Речь идет о таких принципах как «процессуальное единоначалие, письменность, ревизионное начало, тайность следствия, формализм, отсутствие равноправия сторон» [20, с. 26], [55, с. 66].

Вторая группа принципов базируется на «двух основополагающих принципах – равноправие сторон и независимость суда, из которых уже вытекают следующие принципы: очность, непосредственность исследования доказательств, свободная оценка доказательств, устность, гласность, недопустимость повторного уголовного преследования за одно и то же деяние, истина, неприкосновенность личности» [20, с. 26], [55, с. 66].

Как мы видим нужный нам принцип как раз включен во вторую группу.

Иными словами, принцип независимости личности является тем процессуальным средством, которое обеспечивает принцип равноправия сторон в уголовном процессе.

По третьему основанию, «по степени общности (абстрактности) уголовно-процессуальные принципы подразделяют на четыре группы: общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные» [27, с. 81].

«Общеправовые принципы – это принципы, которые заложены в основу всех отраслей права. Иначе говоря, это принципы, прописанные в Конституции РФ.

Межотраслевые принципы – это принципы, являющиеся основой нескольких отраслей права.

Отраслевые принципы – это принципы, свойственный одной конкретной отрасли права.

Под институциональными принципами понимаются те принципы, которые управляют не всеми институтами судопроизводства, а только теми, которые к ним непосредственно относятся» [55, с. 60].

Принцип неприкосновенности личности, учитывая, что он основывается на международно-правом и конституционном праве свободы и независимости личности следует отнести к общеправовому принципу.

В то же время А.В. Смирнов и К.Б. Калиновского относят принцип неприкосновенности личности к числу институциональных в силу того, что он реализуется в рамках состязательного процесса [55, с. 60-61].

По сфере действия выделяют две группы принципов – организационные (судоустройственные) и функциональные (судопроизводственные) [55, с. 81].

Первые направлены на определение процессуальной деятельности, а вторые определяют построение правоохранительной системы [55, с. 81].

Так, например, к первой группе относят принцип независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ), а ко второй – принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) [17, с. 132]. Учитывая сущность принципа неприкосновенности личности, его, по нашему мнению, следует отнести к функциональному (судопроизводственному).

Что касается еще одной, указанной выше классификации, которая проводится И.С. Лапаевым и А.Б. Алейниковой (в зависимости от распространенности действия общего положения и от характера влияния общих положений), то, авторы, по сути, проводят классификацию принципов на те же виды, что и другие исследователи.

В частности, по характеру влияния общих положений, И. С. Лапаевым и А.Б. Алейниковой также выделяются судоустройственные и судопроизводственные принципы [28, с. 48], а в зависимости от

распространенности действия общего положения – межотраслевые и отраслевые. При этом к межотраслевым авторы относят, в том числе, и те, которые другие ученые считают общеправовыми принципами [28, с. 47] (соответственно, в нашем случае, и принцип неприкосновенности личности), что вряд ли оправдано, поскольку тем самым «размываются границы» между принципами.

По итогам анализа вопроса о месте неприкосновенности личности в системе принципов уголовного процесса сделаем следующие промежуточные выводы:

Необходимо различать «право на личную неприкосновенность (неприкосновенности личности)» и «принцип неприкосновенности личности».

Понятие неприкосновенности личности в науке является дискуссионным. В частности, по-разному трактуется категория «личность» на предмет её соотношения с термином «человек». С нашей точки зрения как составляющая принципа неприкосновенности личностью следует считать любого человека независимо от его психического состояния и интеллектуального развития.

Принцип неприкосновенности личности касается как физической, так и моральной (нравственной) неприкосновенности. В свою очередь физическая (личная) неприкосновенность подразумевает не только запрет на нарушение личного пространства человека, но, в первую очередь, запрет посягательства на личную свободу человека. Поэтому правильнее рассматриваемый принцип именовать «свободы и неприкосновенности личности».

В силу того, что принцип неприкосновенности личности основан на положениях Конституции РФ и международно-правовых актов, в системе уголовно-процессуальных принципов он относится к общеправовому (конституционному), а также к состязательному (в зависимости от типа уголовного процесса), институциональному и функциональному (судопроизводственному).

Определение места принципа неприкосновенности личности в системе уголовно-процессуальных принципов позволит нам более полно раскрыть вопрос о значении данного принципа.

1.2 Роль принципа неприкосновенности личности в реализации назначения уголовного судопроизводства

Прежде всего необходимо указать на общее значение всех принципов уголовного процесса. На этот счет в учебной литературе указывается следующее: «значение принципов уголовного процесса заключается в том, что они служат достижению целей и задач уголовного судопроизводства. Если хоть один из принципов уголовного процесса будет нарушен, то осуществление задач уголовного судопроизводства будет невозможно... Принципы уголовного процесса, закрепленные в Конституции РФ и УПК РФ, определяют главные черты российского уголовного судопроизводства и весь его характер. Они пронизывают всю систему норм уголовно-процессуального закона РФ, дают возможность определить сущность всего уголовного процесса» [58, с. 63].

«Принципы обеспечивают приоритет прав человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства.

Принципы являются универсальным инструментом для проверки законности, обоснованности, мотивированности процессуальных решений, принимаемых по уголовному делу, а также законности производимых следственных и иных процессуальных действий.

Принципы представляют собой эталон, с которым сравниваются все остальные институты уголовно-процессуального права.

Принципы являются мерилом правовой культуры государства и общества в сфере уголовного судопроизводства» [28, с. 46-47].

А вот еще одно суждение относительно значения принципов уголовного судопроизводства:

- «принципы выражают сущность уголовного процесса и его основные черты;
- принципы определяют систему норм наиболее общего характера, служащую основой уголовно-процессуального законодательства;
- любое отступление от норм-принципов служит основанием к отмене принятых решений;
- принципы служат важными гарантиями достижения целей правосудия по уголовным делам» [20, с. 25].

Таким образом все учёные подчеркивают важность всех принципов для осуществления уголовного процесса и правильного разрешения уголовного дела.

Применительно к принципу неприкосновенности личности высказывается следующее суждение о его значении – он «представляет собой одну из важнейших правовых гарантий, обеспечивающих процессуальный режим участия человека (индивида) в современном уголовном судопроизводстве, и обеспечивает определенной баланс между публичными и частными интересами, между полномочиями государства и правами лиц, вовлеченных в орбиту уголовной юрисдикции» [27, с. 137].

Исходя из наименования параграфа нам необходимо определить значение принципа неприкосновенности личности в решении задач уголовного процесса. Для этого, прежде всего, нужно конкретизировать в чём выражаются задачи уголовного процесса.

Основная проблема здесь заключается в том, что в отличие от УК РФ, где задачи уголовного законодательства сформулированы в ст. 2, в УПК РФ отдельная норма, в которой бы употреблялся термин «задачи», отсутствует.

Учёные-процессуалисты объясняют отказ современного законодателя от формулировки задач уголовного процесса, имевшей место в уголовно-процессуальном законодательстве советского периода, тем обстоятельством, что через термин «задачи» невозможно выразить диаметрально

противоположные интересы участников уголовного процесса со стороны обвинения и защиты, а равно определить роль суда [28, с. 12].

В этой связи законодатель использовал «нейтральное» наименование «назначение уголовного судопроизводства» в ст. 6 УПК РФ [28, с. 12].

При этом, как отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, «назначение» является синонимом «цели» [55, с. 18].

Соответственно целями уголовного судопроизводства являются:

- защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Для достижения указанных целей должны быть поставлены определенные задачи, а именно «выяснение и разрешение в процессуальных формах вопроса о необходимости и возможности применения норм уголовного права к конкретному жизненному случаю» [55, с. 19].

Таким образом, к задачам уголовного судопроизводства необходимо относить следующие:

- «уголовное преследование виновных лиц;
- обеспечение правильного применения уголовного и уголовно-процессуального закона;
- назначение виновным справедливого наказания;
- обеспечение возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненных преступлением;
- отказ от уголовного преследования невиновных лиц;
- освобождение невиновных от наказания;
- реабилитация лиц, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию;
- обеспечение мер безопасности участников уголовного судопроизводства» [58, с. 24].

Теперь соотнесем перечисленные задачи с принципом неприкосновенности личности.

Исходя из определения уголовного преследования, сформулированного в п. 55 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, следует, что это процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Значение принципа неприкосновенности личности для решения рассматриваемой задачи выражается в том, что законным основанием для ограничения и лишения физической свободы человека является осуществление в отношении него уголовного преследования.

Обеспечение правильного применения уголовного и уголовного-процессуального законодательства посредством применения принципа неприкосновенности личности хорошо иллюстрирует Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 г. № 372-О, где сказано, что «ограничение свободы и личной неприкосновенности возможно только по судебному решению, принимаемому судом в судебном заседании на основе исследования конкретных обстоятельств уголовного дела при условии обеспечения содержащемуся под стражей обвиняемому возможности довести до суда свою позицию, запрет на вынесение вне судебного заседания решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения должен распространяться на все судебные решения» [37].

В другом случае по конкретному уголовному делу Верховный Суд РФ указал следующее: «в судебном заседании установлено нарушение требований ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, согласно которой арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а Васильев в период со 2 марта по 11 апреля 2005 г. содержался под стражей без такого решения.

Судебная коллегия отметила, что помимо этого судом нарушены требования ч. 2 ст. 10 УПК РФ, обязывающей суд немедленно освободить всякого содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного

уголовно-процессуальным законом, т.е. указанного в ч. 2 ст. 255 УПК РФ шестимесячного срока со дня поступления уголовного дела в суд.

Эти требования закона не выполнены, что повлекло вынесение незаконного постановления о продлении срока содержания Васильева под стражей» [32].

Принцип справедливости наказания является уголовно-правовым. Он закреплен в ст. 6 УК РФ. Суть его заключается в том, что назначаемое наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления.

Для обеспечения соблюдения данного принципа в ч. 1 ст. 91 УПК РФ закреплено, что задержание подозреваемого, то есть нарушение его личной неприкосновенности допускается только при подозрении в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

Как отмечается в Определении Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 268-О, «положения УПК РФ, регламентирующие производство задержания, в том числе ... ч. 1 ст. 91 и ч. 1 ст. 92, не вводят никаких новых ограничений права на свободу и личную неприкосновенность по сравнению с предусмотренными ч. 2 ст. 22 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а, напротив, сужают возможность применения этих ограничений» [38].

Равно как и заключение под стражу возможно только при подозрении или обвинении в совершении преступления, предусматривающее наказание в виде лишения свободы сроком свыше трех лет (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) [59].

Как уже отмечалось выше, обеспечение возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненных преступлением, а также реабилитация лиц, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию, является следствием незаконного применения мер процессуального принуждения (задержания, заключения под стражу).

Как прописано в ч. 2 ст. 10 УПК РФ лицо, незаконно задержанное, лишенное свободой или заключенное под стражу, подлежит немедленному

освобождению [59]. Соответственно, затем освобожденный получает право на реабилитацию.

Таким образом, принцип неприкосновенности личности реализуется практически во всех обозначенных задачах уголовного процесса.

Основное его значение заключается в том, чтобы уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых не было связано с необоснованным ограничением и лишением их физической свободы, что обеспечивается контролем со стороны суда, выносящего решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или отказе в её избрании; органов предварительного расследования и прокуратуры, выносящих постановление об освобождении задержанного или заключенного под стражу.

По итогам анализа вопросов, изложенных в настоящей главе, необходимо сделать следующие выводы.

Необходимо различать «право на личную неприкосновенность (неприкосновенности личности)» и «принцип неприкосновенности личности».

Понятие неприкосновенности личности в науке является дискуссионным. В частности, по-разному трактуется категория «личность» на предмет её соотношения с термином «человек». С нашей точки зрения как составляющая принципа неприкосновенности личностью следует считать любого человека независимо от его психического состояния и интеллектуального развития.

Принцип неприкосновенности личности касается как физической, так и моральной (нравственной) неприкосновенности. В свою очередь физическая (личная) неприкосновенность подразумевает не только запрет на нарушение личного пространства человека, но, в первую очередь, запрет посягательства на личную свободу человека. Поэтому правильнее рассматриваемый принцип именовать «свободы и неприкосновенности личности».

В силу того, что принцип неприкосновенности личности основан на положениях Конституции РФ и международно-правовых актов, в системе уголовно-процессуальных принципов он относится к общеправовому (конституционному), а также к состязательному (в зависимости от типа уголовного процесса), институциональному и функциональному (судопроизводственному).

Определение места принципа неприкосновенности личности в системе уголовно-процессуальных принципов позволит нам более полно раскрыть вопрос о значении данного принципа.

Основное значение принципа неприкосновенности личности для решения задач уголовного процесса заключается в том, чтобы уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых не было связано с необоснованным ограничением и лишением их физической свободы, что обеспечивается контролем со стороны суда, выносящего решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или отказе в её избрании; органов предварительного расследования и прокуратуры, выносящих постановление об освобождении задержанного или заключенного под стражу.

Глава 2 Гарантии реализация принципа неприкосновенности личности

2.1 Пределы ограничения неприкосновенности личности на стадии предварительного расследования

В главе первой настоящей бакалаврской работы было установлено, что основные ограничения права на неприкосновенность личности связаны с применением таких уголовно-процессуальных мер принуждения как задержание и заключение под стражу.

Понятие задержания даётся в двух пунктах ст. 5 УПК РФ. Согласно п. 11 ч. 1 ст. 5 УПК РФ задержание – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. В свою очередь в п. 15 ч. 1 ст. 5 УПК РФ прописано, что момент фактического задержания – это момент производимого в порядке, установленном ст. 92 УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления [59].

В этой связи задержание принято понимать в двух значениях – фактическом и юридическом (уголовно-процессуальном) [53, с. 71].

Соответственно, в п. 11 ч. 1 ст. 5 УПК РФ сформировано юридическое (уголовно-процессуальное) определение задержания, а в п. 15 ч. 1 ст. 5 УПК РФ – фактическое.

Такая двойственная природа задержания вызывает определенные проблемы в практическом применении, что будет рассмотрено в параграфе 2.3.

Здесь же сосредоточим внимание на основных положениях задержания.

Так, в ч. 1 ст. 91 УПК РФ закреплён главный критерий, при наличии которого неприкосновенность личности будет ограничена путем задержания, – это возможность назначения наказания в виде лишения свободы за

преступление, в совершении которого подозревается лицо. Соответственно санкция статьи УК РФ, в которой закреплена ответственность за преступление, должна предусматривать данный вид наказания.

К примеру, лицо, подозреваемое в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, не может быть подвергнуто рассматриваемой мере уголовно-процессуального принуждения, поскольку санкция данной нормы предусматривает только два вида наказания – штраф и исправительные работы. Тогда, как при наличии подозрений в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 151 УК РФ, лицо может быть задержано, так как здесь в санкции указывается на лишение свободы на срок до четырех лет [60].

В ч. 3 ст. 91 УПК РФ, которая включена Федеральным законом от 13.06.2023 г. № 220-ФЗ, указывается второе основание, при наличии которого лицо не может быть подвергнуто задержанию, – это истечение сроков давности уголовного преследования [62].

Сроки давности варьируются от категории и характера совершения преступления. Они прописаны в ч. 1 ст. 78 УК РФ. Так, например, срок давности за совершение преступления небольшой тяжести составляет два года. А вот в отношении преступлений террористической направленности сроки давности не применяются (ч. 5 ст. 78 УК РФ) [60].

Кроме того, в ч. 3 ст. 91 УПК РФ прописано исключение в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений по которым истекли сроки давности, но они наказуемы смертной казнью или пожизненным лишением свободы. В этом случае задержание применяется, что корреспондируется с нормами ч. 4 ст. 78 УК РФ, где закреплено, что в отношении такого вида преступлений вопрос о применении к ним сроков давности решается судом [60].

В ч. ч. 1, 2 ст. 91 УПК РФ перечислены шесть оснований, при наличии хотя бы одного из которых, лицо может быть задержано:

- лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- потерпевшие или очевидцы укажут на лицо как на совершившее преступление;
- на лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления;
- лицо пыталось скрыться;
- учитывая сведения о личности: отсутствие постоянного места жительства или неустановление личности подозреваемого;
- в суд направлено ходатайство об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу [59].

Так, по приговору суда К. был осужден по совокупности трех преступлений, предусмотренных ст. ст. 105, 111, 282 УК РФ. При этом, как указано в приговоре, «К. был задержан на основании п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, предусматривающего, что лицо было застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него».

Подтверждением того, что «К. действительно было застигнуто непосредственно после совершения преступления являются следующие обстоятельства: указанные преступления были совершены 09.02.2014 г. в 14.20., постановление о возбуждении уголовного дела вынесено 09.02.2014 г. в 14.50 (то есть через 30 минут после совершения преступления). На тот момент уже была установлена личность К., и уголовное дело было возбуждено именно в отношении его. В 15.00 был начат осмотр места происшествия, в 16.06 минут произведена выемка видеорегистратора, полностью запечатлевшая действия К. в храме» [33].

Порядку проведения задержания посвящена ст. 92 УПК РФ, однако отдельные положения, касающиеся данного порядка закреплены также в других нормах УПК РФ.

Из системного анализа положений УПК РФ вытекает следующее:

Во-первых, после фактического задержания лицо должно быть доставлено к следователю или дознавателю, где не позднее трех часов должен быть составлен протокол задержания. Соответственно, если факт задержания может иметь место до возбуждения уголовного дела, что вызывает дискуссию среди ученых (данный вопрос будет рассмотрен в параграфе 2.3), то протокол задержания составляется в рамках возбужденного уголовного дела (содержание протокола регламентируется ч. 2 ст. 92 УПК РФ) [52, с. 31].

Во-вторых, о факте задержания в течении 12 часов должен быть уведомлен в письменном виде прокурор.

В-третьих, в течение 24 часов с момента фактического задержания подозреваемый должен быть допрошен (ч. 2 ст. 46 УПК РФ).

В-четвертых, с момента фактического задержания подозреваемый имеет право пользоваться помощью защитника (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). В этом случае защитник должен участвовать в последующем составлении протокола задержания (ч.1.1 ст. 92 УПК РФ) [59].

Так, «Р., объявленный постановлением следователя в розыск, обоснованно задержан в соответствии с п. 2 ч. 1, ч. 2 ст. 91 УПК РФ, ч. 3 ст. 210 УПК РФ, как лицо, на которое очевидцы указали как на совершившее преступление. Протокол задержания составлен в присутствии защитника – адвоката Киселевой М.В. и соответствует положениям ст. 92 УПК РФ» [3]. В последствии, суд, избирая меру пресечения Р. в виде заключения под стражу, в том числе, опирался на то, что при задержании Р. была соблюден установленный законом порядок и соблюдены права подозреваемого.

В другом случае предметом рассмотрения Судебной коллегии Верховного Суда РФ являлись кассационные жалобы осужденных и их адвокатов на приговор Волгоградского областного суда от 18 ноября 2009 г. В жалобах говорилось о нарушении как норм материального права, так и процессуального, выраженного в несоблюдении положений УПК РФ о праве на защиту.

Отклоняя доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия Верховного Суда РФ, в частности, указала следующее: «задержание Ф.И. Семьяна было произведено 01.11.2008 в соответствии с требованиями п. п. 1, 2,3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, непосредственно после совершения им преступления, после доставления его в следственное управление Следственного комитета при Прокуратуре РФ для составления протокола задержания. То обстоятельство, что Ф.И. Семьян был ознакомлен с постановлением о возбуждении уголовного дела 02.11.2008, не влечет нарушения его права на защиту. При задержании Ф.И. Семьяну разъяснялись его права подозреваемого, в том числе право на защиту, замечаний к протоколу у него не имелось, копия протокола получена им 01.11.2008 (т. 1 л.д. 129 - 131). Ходатайство о допуске защитника – адвоката П.М. Мищенко, с которым он заключил соглашение об оказании юридической помощи, было им подано 02.11.2008, с этого момента адвокат П.М. Мищенко представлял интересы Ф.И. Семьяна как в ходе предварительного следствия, так и в судебном заседании» [35].

Данный пример свидетельствует о том, что здесь момент фактического задержания был совмещен с юридическим (уголовно-процессуальным) задержанием.

В-пятых, о факте задержания уведомляются родственники задержанного, командир воинской части (если задержанный военнослужащий), а также другие органы, перечисленные в ст. 96 УПК РФ. Срок такого уведомления составляет 3 часа, исчисляемого с момента доставления задержанного дознавателю или следователю [59].

В ст. 93 УПК РФ закреплено «особое» следственное действие, которое может быть проведено в отношении подозреваемого, это личный обыск. Правила его проведения прописаны в ст. 184 УПК РФ [59]. Как отмечается в определении Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 г. № 1232-О-О, личный обыск проводится только по судебному решению. Если он проведен без судебного решения, что допускается ч. 2 ст. 184 УПК РФ, то суд должен незамедлительно провести законность проведенного обыска, что служит

гарантией реализации прав лица, подвергнутого обыску [39]. Иными словами, суд должен проверить действительно ли проведения личного обыска без судебного решения было безотлагательно.

Во исполнение положений ч. 3 ст. 10 УПК РФ, где, как отмечалось ранее, говорится об условиях содержания задержанного, исключаящих угрозу его жизни и здоровью, в ст. 95 УПК РФ даётся ссылка на Федеральный закон, в соответствии с которым определяется порядок и условия содержания задержанного. Речь идет о Федеральном законе от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ. Данный нормативно-правовой акт, в частности, регламентирует то, в каких местах содержатся задержанные (в изоляторах временного содержания), режим содержания, материально-бытовые условия, медико-санитарное обеспечение и т.д. [61].

Как отмечалось ранее, срок задержания в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 5 УПК РФ составляет 48 часов. По истечении данного срока задержанный либо подлежит освобождению, либо в отношении него избирается мера пресечения в виде заключения под стражу в порядке ст. 100 УПК РФ, либо срок задержания продлевается не более чем на 72 часа на основании судебного решения (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ) [59].

Таким образом, анализ приведенных положений УПК РФ свидетельствует о том, что допустимость и пределы ограничения права на неприкосновенность личности вследствие задержания регламентированы достаточно полно, однако, тем не менее ряд положений являются спорными, что будет рассмотрено в параграфе 2.3 настоящей главы.

Что касается меры пресечения в виде заключения под стражу, то она может быть применена, как отмечено выше, в отношении подозреваемого, или в отношении обвиняемого.

В первом случае подозреваемому должно быть предъявлено обвинение в течении 10 суток с момента избрания меры пресечения или момента задержания.

Как отмечает А.А. Бондарев, «логика законодателя понятна: никто не должен быть ограничен в своих правах без достаточных к тому оснований. В связи с этим применение меры пресечения к подозреваемому рассматривается как исключительное, временное обстоятельство» [6, с. 49].

Обратим внимание, что законодатель использует в ч. 1 ст. 100 УПК РФ термин «момент задержания», а не «момент фактического задержания», что, как мы полагаем подразумевает, что десятидневный срок исчисляется с момента юридического (уголовно-процессуального) задержания, т.е. составления протокола задержания.

Исключение из общего правила по предъявлению обвинения подозреваемому в десятидневный срок составляет ч. 2 ст. 100 УПК РФ, где перечислены отдельные виды преступлений повышенной опасности в силу характера посягательства (отдельные преступления против общественной безопасности, государственной власти и безопасности человечества). Здесь срок предъявления обвинения составляет 45 суток [59].

Мера пресечения в виде заключения под стражу избирается исключительно на основании судебного решения, которое предваряет постановление следователя или дознавателя о возбуждении ходатайства об избрании данной меры.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «при принятии решения об избрании рассматриваемой меры пресечения суд должен проверить обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, что, в частности, подразумевает анализ содержания ходатайства и приобщенные к нему материалов на предмет наличия сведений, указывающих на причастность к совершенному преступлению именно этого лица» [45].

Так, удовлетворяя ходатайство старшего следователя по особо важным делам ГСУ Следственного комитета РФ об избрании в отношении обвиняемого Р. меры пресечения в виде заключения под стражу, Басманный районный суд г. Москвы, в частности, «проверил обоснованность подозрения

в причастности Р. к совершению инкриминируемых ему преступлений, убедился, что ходатайство следователя и приобщенные к нему материалы содержат конкретные и достаточные сведения, подтверждающие названные обстоятельства, включая протокол допроса потерпевшего, протоколы допросов свидетелей, результаты оперативно-розыскной деятельности».

В свою очередь апелляционная инстанция, проверяя обоснованность вынесения постановления об избрании меры пресечения, подтвердила законность принятого решения [2].

Основной срок содержания под стражей составляет 2 месяца, однако в ст. 109 УПК РФ перечислены основания и порядок продления данного срока.

Что касается условий содержания под стражей, то они также регламентируются Федеральным законом от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ.

В заключении необходимо отметить, что заключение под стражу является самой жесткой мерой пресечения, сопряженной с существенным ограничением неприкосновенности личности. В этой связи в УПК РФ четко прописаны критерии и основания избрания данной меры, которые, как и в случае с задержанием, зависят от наличия в санкции уголовно-правовой нормы наказания в виде лишения свободы, а также характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого (обвиняемого), его поведении и т.д.

2.2 Уголовно-процессуальные гарантии неприкосновенности личности

Прежде чем перейти к рассмотрению процессуальных гарантий неприкосновенности личности необходимо определить, что в общем понимается под уголовно-процессуальными гарантиями.

Данный вопрос давно обсуждается в научной доктрине и существует несколько точек зрения на этот счёт. Приведем некоторые из них:

Уголовно-процессуальные гарантии – это система «правовых средств, установленных законом для надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод человека в уголовном процессе, осуществления задач судопроизводства по уголовным делам» [34, с. 75].

А.С. Стройкова под уголовно-процессуальными гарантиями понимает «установленные уголовно-процессуальным законом правовые средства, которыми охраняются и защищаются права и законные интересы участвующих в уголовном процессе лиц, включающие как соответствующие процессуальные предписания, так и деятельность соответствующих государственных органов, должностных, а также иных лиц по их реализации» [56, с. 38].

По мнению Ю.А. Иванова, под уголовно-процессуальными гарантиями следует рассматривать систему «правовых средств обеспечения успешного решения задач правосудия и охраны законных интересов всех участвующих в деле лиц, предполагающая строгое соблюдение установленных законом форм и принципов судопроизводства, закрепление прав участников процесса и условий их реализации, точное исполнение обязанностей должностными лицами и органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность» [26, с. 215].

Из анализа приведенных точек зрения необходимо выявить общие черты в понимании процессуальных гарантий: системность правовых средств; обеспечение защиты и охраны прав и свобод участников уголовного процесса, направленность на решение задач уголовного судопроизводства.

Применительно к неприкосновенности личности процессуальные гарантии, соответственно, выражаются, прежде всего, в достижении той цели, которая указана в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, а именно защита личности от незаконного ограничения её прав и свобод [59].

Немаловажное значение для обеспечения неприкосновенности личности отводится положениям ст. 9 УПК РФ, гарантирующей, что в ходе уголовного судопроизводства в отношении лица, чья свобода ограничена, не будут

осуществляться действия и приниматься решения, унижающие его честь, человеческое достоинство и создающие опасность для его жизни и здоровья [59].

Как гласит ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию [24].

В свою очередь в абз. 3 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 под бесчеловечным «понимается такое обращение, которое, как правило, носит преднамеренный характер, имеет место на протяжении нескольких часов или когда в результате такого обращения человеку были причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания. А унижающим достоинство обращением признается «такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности» [42]. С данной нормой корреспондируются положения ч. 3 ст. 10 УПК РФ, где, как отмечалось ранее, также говорится о соблюдении гарантии по неприкосновенности задержанного или заключенного под стражу, выражающейся в содержании его в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью [59]. Как отмечается Верховным Судом РФ лишение свободы неизбежно сопряжено с определенным уровнем страданий, однако условия, в которых содержится лицо, привлеченное к уголовной ответственности и подвергнутое процессуальному принуждению, не должны быть сопряжены с более высоким уровнем страданий, а «здоровье и благополучие лица должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания» [44].

При этом оценка уровня страданий осуществляется по следующим критериям:

- продолжительность неправомерного обращения с человеком;
- характер физических и психических последствий такого обращения (в частности, степень причиненного вреда здоровью, тяжкого, средней тяжести или легкого);

– данные о личности: пол, возраст, состояние здоровья [44].

Соответственно здесь можно выделить ещё одну уголовно-процессуальную гарантии – это гарантия возмещения вреда, причиненного в результате незаконного задержания или заключения под стражу, которая реализуется в рамках института реабилитации, закрепленного в главе 18 УПК РФ.

Так, Е. обратился в суд с иском к Московскому межрегиональному следственному управлению на транспорте Следственного комитета РФ, Следственному комитету РФ о взыскании денежной компенсации морального вреда в размере 15 000 000 руб. Причиной данного обращения явился тот факт, что Постановлением Мещанского районного суда г. Москвы от 18.05.2020 г. № 3/12-115/2019, вступившим в законную силу, была подтверждена незаконность действий в отношении Е. (он трижды помещался в изолятор временного содержания несмотря на то, что на момент перевода из следственного изолятора в изолятор временного содержания следственные действия по уголовному делу были окончены). Свои исковые требования Е., в частности, мотивировал тем, что бесчеловечным и унижающим его достоинство является «степень и характер испытанных страданий в совокупности с их систематическим характером и длительностью». Мещанский районный суда г. Москвы, удовлетворяя исковые требования Е. в части, в качестве обоснования принятого решения сослался на процитированные выше положения п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 [36].

Нельзя согласиться в полной мере с мнением Е.Г. Васильевой о том, что возмещение вреда, причиненного лицу, подвергнутого незаконному уголовному преследованию, относится только к гражданско-правовым гарантиям [7, с. 56].

Из положений ст. ст. 133, 135 УПК РФ следует, что если лицо признается реабилитированным в результате того, что в отношении него выносится оправдательный приговор или прекращается уголовное преследование по

реабилитирующим основаниям, то в таком случае вопрос о возмещении причиненного ему имущественного вреда решается в рамках уголовного судопроизводства в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ [59].

Если речь идет о иных лицах, которые незаконно подвергнут уголовно-процессуальному принуждению (задержанию и заключению под стражу), но не признаны реабилитированными, то имущественный вред им возмещается также в порядке уголовного судопроизводства. Действительно, здесь также задействованы и положения ГК РФ, нормы которого также гарантируют возмещение вреда, причиненного в результате незаконного нарушения неприкосновенности личности. В частности, в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ прописано, что вред, причиненный гражданину в результате, в частности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, возмещается за счет казны РФ или за счет казны субъекта РФ или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [13]. В соответствии с ч. 2 ст. 136 УПК РФ причиненный в результате незаконного уголовного преследования моральный вред реабилитированному, возмещается по правилам гражданского судопроизводства [59].

Таким образом, возмещение вреда, причиненного лицу, подвергнутого незаконному уголовному преследованию, одновременно относится к уголовно-процессуальной и гражданско-правовой гарантии. В этой связи также стоит отметить, что уголовно-процессуальная гарантия защиты личности от незаконного ограничения её прав и свобод связана и с уголовно-правовыми гарантиями. Так, в ст. 302 УК РФ закреплена ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей [60].

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 к признакам незаконного задержания относятся:

- умышленный характер действий лица, проводящего и (или) контролирующего проведение предварительного расследования;

- отсутствие предусмотренных ст. 91 УПК РФ оснований и обязательных условий для задержания;
- бездействие уполномоченного должностного лица по принятию мер к освобождению задержанного лица (к примеру, если истекли сроки задержания) [48].

Также, в УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за ряд преступных деяний, которые могут привести к незаконному задержанию или заключению под стражу (либо оправдать незаконное применение данных мер уголовно-процессуального принуждения). Речь идет о ст. 299 УК РФ, в которой предусмотрена ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, что выражается в вынесении следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и в предъявлении ему сформулированного обвинения [47]. Соответственно, как отмечалось в параграфе 2.1, признание лица в качестве обвиняемого влечет избрание меры пресечения, в том числе и в виде заключения под стражу. В ст. 302 УК РФ говорится об ответственности за принуждение к даче показаний, т.е. в заставлении подозреваемого или обвиняемого дать показания, в частности, посредством угрозы применения любого физического насилия [60]. Ч. ч. 2, 3, 4 ст. 303 УК РФ предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации [60]. Эти нормы подкрепляют уголовно-процессуальную гарантию, отраженную в ст. 9 УПК РФ, о которой упоминалось выше (запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь, человеческое достоинство и создающие опасность для жизни и здоровья).

Возвращаясь к анализу уголовно-процессуальных гарантий, необходимо отметить, что «в системе гарантий законности и обоснованности ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе немаловажное значение

имеет деятельность адвокатов» [7, с. 57]. В этой связи в соответствии с ч. 1 ст. 16 УПК РФ подозреваемый и обвиняемый обеспечивается правом на защиту, которое гарантируется Конституцией РФ общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ. «Порядок реализации данного конституционного права определяется УПК РФ», а «обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия» [46]. Соответственно, как ранее было рассмотрено в параграфе 2.1 настоящего исследования, защита прав и интересов граждан, чья неприкосновенность была нарушена в результате задержания или заключения под стражу, должна быть гарантирована путем обеспечения участия в уголовном судопроизводстве адвоката с момента применения указанных мер уголовно-процессуального принуждения.

В качестве еще одной гарантии обеспечения неприкосновенности личности авторы справедливо называют прокурорский надзор за деятельностью лица, производящего расследование [1, с. 13], [51, с. 332].

Так, полномочия прокурора по обеспечению неприкосновенности личности выражаются в следующем:

- своевременное реагирование на необоснованное и незаконное применение к подозреваемым и обвиняемым мер процессуального принуждения;
- применение меры процессуального реагирования при выявлении нарушения срока направления сообщения о задержании подозреваемого;
- проводить проверки на предмет соблюдения порядка задержания, прав задержанного, соответствия сведений, изложенных в протоколе, материалам уголовного дела;
- пресечение случаев задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, на основании протоколов об административных правонарушениях;

- незамедлительное рассмотрение жалоб на незаконность задержания и нарушения прав задержанных;
- немедленное освобождение незаконно задержанного, лишённого свободы, заключённого под стражу или содержащегося в медицинском стационаре;
- дача согласия дознавателю о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу;
- участие в судебном заседании при рассмотрении ходатайства об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу [49].

Таким образом перечисленные процессуальные гарантии имеют важное значение для признания ограничения неприкосновенности личности законным и обоснованным. Они находят отражение в принципах уголовного процесса и реализуются в конкретных нормах, в которых прописана процедура ограничения неприкосновенности личности.

Анализ процессуальных гарантий также подтверждает мысль, высказанную в главе первой, о том, что неприкосновенность личности не ограничивается только физической свободой. Данное право также включает и психическую свободу личности.

2.3 Проблемы реализации принципа неприкосновенности личности и пути их решения

Проанализировав основной понятийный аппарат, определив пределы допустимости ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе, теперь необходимо рассмотреть на проблемах, которые возникают в процессуальной деятельности при реализации принципа неприкосновенности личности.

В частности, одной из актуальных проблем является допустимость задержания лица до возбуждения уголовного дела.

Как было установлено в параграфе 2.1 настоящего исследования, задержание подозреваемого в совершении преступления возможно в рамках уже возбужденного уголовного дела либо в момент, когда он застигнут при совершении преступления или непосредственно после его совершения.

Если в первом случае проблемы с регламентацией и реализацией не возникают, то вторая ситуация является дискуссионной.

Так, по мнению М.М. Шамсутдинова задержание возможно только в момент возбуждения уголовного дела, поскольку «орган дознания, дознаватель или следователь освобождены от необходимости согласовывать свое решение о возбуждении уголовного дела с прокурором» [64, с. 172]. Иными словами, по логике автора, ничего не мешает органам предварительного расследования одновременно вынести постановление о возбуждении уголовного дела и задержать преступника.

И.С. Лобанова считает, что «задержание подозреваемого до возбуждения уголовного дела в силу внезапности возникновения оснований задержания возможно» [29, с. 287].

Из анализа УПК РФ следует, что вначале может иметь место фактическое задержание, т.е. фактическое лишение свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Затем должен быть составлен протокол задержания в срок не более 3 часов с момента доставления подозреваемого дознавателю или следователю.

Таким образом, момент самого задержания, т.е. физический захват лица и момент процессуального оформления задержания, могут не совпадать.

При этом, как правило, само задержание проводится сотрудниками полиции, а затем уже задержанный «доставляется» дознавателю или следователю. Многие современные авторы обращают внимание на тот факт, что нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность правоохранительных органов, позволяют получить самое поверхностное и неопределенное представление о конкретных методах и технологиях

реализации полномочий по задержанию и доставлению подозреваемого [8, с. 756].

Учитывая вышеизложенное, позицию М.М. Шамсутдинова о том, что органы предварительного расследования должны возбуждать уголовное дело в момент задержания, нельзя признать правильной.

По мнению И.О. Воскобойникова и А.А. Ретькова временной промежуток между фактическим задержанием подозреваемого и его доставлением к следователю и дознавателю не должен составлять более 9 часов. Это время авторы вычисли исходя из 12 часов, которые даются для сообщения о факте задержания прокурору, вычтя 3 часа, выделяемые на составление протокола [9, с. 252].

Еще одна проблема связана с реализацией п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, в соответствии с которым подозреваемому должен быть предоставлен защитник с момента фактического задержания [59].

Одно дело, когда подозреваемый приходит на допрос к следователю и дознавателю, а там приглашается адвокат, проводится задержание с одновременным оформлением протокола. Другое, когда момент фактического задержания и его процессуальное оформление не совпадают. По логике законодателя, если лицо застигнуто в момент совершения преступления, то вначале должен быть вызван адвокат, а затем проведено задержание, однако на практике так не бывает. Кроме того, как уже было отмечено в параграфе 2.1, права задержанному, перечисленные в ст. 46 УПК РФ, включая право пользоваться помощью защитника, разъясняются после доставления к дознавателю или следователю. Именно на это обстоятельство, к примеру, обращает внимание В. Семенцов [54, с. 100].

В связи с этим авторами предлагается несколько вариантов решения обозначенной проблемы. По мнению, В.В. Кальницкого момент допуска защитника к участию в уголовном деле должен определяться моментом доставления задержанного непосредственно дознавателю или к следователю [19, с. 172]. А.А. Козлов предлагает отсчитывать момент вступления

защитника в уголовный с момента появления подозреваемого в случае задержания, а, подозреваемый появляется лишь в момент процессуального оформления его статуса [22, с. 106].

Нужно учитывать еще один аспект – это срок задержания. Он опять же исчисляется с момента фактического задержания. Соответственно, если условно исключить 9 часов, даваемых на доставление следователю или дознавателю, то на проведение процессуальных действий остается 39 часов.

Как пишет М.М. Шамсутдинов, «УПК РФ ставит органы расследования в весьма жесткие рамки, обусловленные существованием принципов неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ) и охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ) ... органы предварительного расследования должны провести значительное число процессуальных действий и правильно принять важные процессуальные решения Данное обстоятельство и является причиной большинства нарушений прав граждан, задерживаемых по подозрению в совершении преступлений [64, с. 172-173].

Еще одна проблема связана с допустимости проведения личного обыска в момент фактического задержания, до возбуждения уголовного дела и составления протокола о задержании.

В. Семенцов на этот счет пишет следующее: «поскольку личный обыск относится к числу следственных действий, то его производство, как принято считать, недопустимо до возбуждения уголовного дела, так как следственные действия составляют содержание предварительного расследования и обеспечиваются возможностью применения мер принуждения» [54, с. 100]. На основании этого автор приходит к выводу, что на практике, чтобы обойти положения УПК РФ о возможности проведения личного обыска только после возбуждения уголовного дела, не редко встречаются случаи досмотра гражданина в порядке административного судопроизводства (ст. 27.7 КоАП РФ), что безусловно неправомерно, поскольку личный досмотр может проводится при совершении административного правонарушения. На это же обращается внимание в процитированном в предыдущем параграфе Приказе

Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544. Один из выходов в рассмотренных коллизиях Р.Э. Ахметшин и А.И. Сабирова видят в необходимости ввести в УПК РФ понятие «задержанный» – «лицо, принудительно доставленное в связи с его предполагаемой причастностью к совершению преступления» [4, с. 88].

По мнению А.А. Давлетова, такого участника стадии возбуждения уголовного дела корректнее именовать «заподозренный» [14, с. 64-65].

Таким образом, анализ уголовно-процессуального законодательства, учебной и монографической литературы свидетельствует о наличии некоторых проблем, возникающих при реализации принципа неприкосновенности личности. В частности, это касается соблюдения законности при задержании подозреваемого. Основная проблема здесь связана с тем, что задержание подозреваемого допускается до возбуждения уголовного дела. Соответственно, органы следствия и дознания ограничены в применении процессуальных действий по отношению к задерживаемому. Так, например, личный обыск, который напрямую связан с нарушением неприкосновенности личности, может быть проведен только после возбуждения уголовного дела. При этом данное следственное действие не может быть подменено административно-процессуальным действием в виде личного досмотра.

Следует положительно оценить позицию некоторых исследователей о том, что подозреваемому должен быть предоставлен адвокат с момента доставления к дознавателю или следователю, а не с момента фактического задержания. В этой связи предлагаем п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ изложить в следующей редакции: «с момента доставления задержанного лица, подозреваемого в совершении преступления, в орган дознания или к следователю».

По итогам анализа вопросов, изложенных в настоящей главе, необходимо сделать следующие выводы.

Положения УПК РФ свидетельствует о том, что допустимость и пределы ограничения права на неприкосновенность личности вследствие задержания и заключения под стражу регламентированы достаточно полно, однако, тем не менее ряд положений являются спорными.

Заключение под стражу является самой жесткой мерой пресечения, сопряженной с существенным ограничением неприкосновенности личности. В этой связи в УПК РФ четко прописаны критерии и основания избрания данной меры, которые, как и в случае с задержанием, зависят от наличия в санкции уголовно-правовой нормы наказания в виде лишения свободы, а также характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого (обвиняемого), его поведении и т.д.

Уголовно-процессуальные гарантии имеют важное значение для признания ограничения неприкосновенности личности законным и обоснованным. Они находят отражение в принципах уголовного процесса и реализуются в конкретных нормах, в которых прописана процедура ограничения неприкосновенности личности.

Анализ уголовно-процессуального законодательства, учебной и монографической литературы свидетельствует о наличии некоторых проблем, возникающих при реализации принципа неприкосновенности личности. В частности, это касается соблюдения законности при задержании подозреваемого. Основная проблема здесь связана с тем, что задержание подозреваемого допускается до возбуждения уголовного дела.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить следующее:

Необходимо различать «право на личную неприкосновенность (неприкосновенности личности)» и «принцип неприкосновенности личности».

Понятие неприкосновенности личности в науке является дискуссионным. В частности, по-разному трактуется категория «личность» на предмет её соотношения с термином «человек». С нашей точки зрения как составляющая принципа неприкосновенности личностью следует считать любого человека независимо от его психического состояния и интеллектуального развития.

Принцип неприкосновенности личности касается как физической, так и моральной (нравственной) неприкосновенности. В свою очередь физическая (личная) неприкосновенность подразумевает не только запрет на нарушение личного пространства человека, но, в первую очередь, запрет посягательства на личную свободу человека. Поэтому правильнее рассматриваемый принцип именовать «свободы и неприкосновенности личности».

В силу того, что принцип неприкосновенности личности основан на положениях Конституции РФ и международно-правовых актов, в системе уголовно-процессуальных принципов он относится к общеправовому (конституционному), а также к состязательному (в зависимости от типа уголовного процесса), институциональному и функциональному (судопроизводственному).

Определение места принципа неприкосновенности личности в системе уголовно-процессуальных принципов позволит нам более полно раскрыть вопрос о значении данного принципа.

Основное значение принципа неприкосновенности личности для решения задач уголовного процесса заключается в том, чтобы уголовное

преследование подозреваемых и обвиняемых не было связано с необоснованным ограничением и лишением их физической свободы, что обеспечивается контролем со стороны суда, выносящего решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или отказе в её избрании; органов предварительного расследования и прокуратуры, выносящих постановление об освобождении задержанного или заключенного под стражу.

Положения УПК РФ свидетельствует о том, что допустимость и пределы ограничения права на неприкосновенность личности вследствие задержания и заключения под стражу регламентированы достаточно полно, однако, тем не менее ряд положений являются спорными.

Заключение под стражу является самой жесткой мерой пресечения, сопряженной с существенным ограничением неприкосновенности личности. В этой связи в УПК РФ четко прописаны критерии и основания избрания данной меры, которые, как и в случае с задержанием, зависят от наличия в санкции уголовно-правовой нормы наказания в виде лишения свободы, а также характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого (обвиняемого), его поведении и т.д.

Уголовно-процессуальные гарантии имеют важное значение для признания ограничения неприкосновенности личности законным и обоснованным. Они находят отражение в принципах уголовного процесса и реализуются в конкретных нормах, в которых прописана процедура ограничения неприкосновенности личности.

Анализ уголовно-процессуального законодательства, учебной и монографической литературы свидетельствует о наличии некоторых проблем, возникающих при реализации принципа неприкосновенности личности. В частности, это касается соблюдения законности при задержании подозреваемого. Основная проблема здесь связана с тем, что задержание подозреваемого допускается до возбуждения уголовного дела.

Соответственно, органы следствия и дознания ограничены в применении процессуальных действий по отношению к задерживаемому.

Так, например, личный обыск, который напрямую связан с нарушением неприкосновенности личности, может быть проведен только после возбуждения уголовного дела. При этом данное следственное действие не может быть подменено административно-процессуальным действием в виде личного досмотра.

Следует положительно оценить позицию некоторых исследователей о том, что подозреваемому должен быть предоставлен адвокат с момента доставления к дознавателю или следователю, а не с момента фактического задержания. В этой связи предлагаем п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ изложить в следующей редакции: «с момента доставления задержанного лица, подозреваемого в совершении преступления, в орган дознания или к следователю».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алимамедов Э.Н. Актуальные проблемы действий и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // В сборнике: Актуальные проблемы предварительного расследования Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2015. С. 13-17.

2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23.05.2022 по делу № 10-10600/2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

3. Апелляционное постановление Московского городского суда от 29.06.2022 по делу № 10-13765/2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

4. Ахметшин Р.Э., Сабирова А.И. О некоторых проблемах уголовно-процессуального статуса лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // В сборнике: Современные проблемы уголовного права и процесса. 2017. С. 80-89.

5. Безруков С.С. Конституционные права и свободы человека и гражданина в системе принципов уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 1 (15). С. 29-38.

6. Бондарев А.А. Предъявление обвинения подозреваемому, в отношении которого применена мера пресечения // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 49-52.

7. Васильева Е.Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: дисс...канд. юр. наук. Уфа, 2002. 193 с.

8. Вершинина С.И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 756-763.

9. Воскобойников И.О., Рытьков А.А. Особенности деятельности следователя по созданию условий для реализации прав подозреваемого, обвиняемого при задержании // Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2014. С. 250-252.

10. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1998, 10 декабря.

11. Гаджиев Х.И. Защита частной жизни в цифровую эпоху // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6 (79). С. 5-20.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

14. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 61-67.

15. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики. М. : Юрид. лит., 1971. 200 с. // <http://lawlibrary.ru/izdanie7854.html> (дата обращения: 15.06.2023).

16. Иванова А.П. Неприкосновенность частной жизни и информационные технологии // Государство и право в новой информационной реальности: сборник научных трудов / отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. - М. : ИНИОН, 2018. С. 158-166.

17. Кайгородов А.А. Соотношение понятий принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 132-135.

18. Калиновский К.Б. Основные виды уголовного судопроизводства: учеб. пособие. СПб. : изд-во юрид. ин-та, 2002. 62 с.
19. Кальницкий В.В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем): сборник статей. Омск, 2016. 200 с.
20. Клоков С.Н, Савкина М.А. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс). Курс лекций: Учебное пособие. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2021. 273 с.
21. Кобчикова Е.В., Макаров Т.Г. Некоторые аспекты принципа неприкосновенности собственности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3. С. 81-83.
22. Козлов А.А. Понятие и основания появления, в уголовном процессе подозреваемого // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2006. Вып. 8. Т. 1. № 13 (68). С. 105-107.
23. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. Э.П. Григориса. - СПб.: Питер, 2002. 197 с.
24. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенной в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
25. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993г. URL: [https:// http://www.pravo.gov.ru](https://http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 13.06.2023).
26. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред.: Бойков А.Д., Карпец И.И. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.
27. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: дисс. ... докт. юрид. Наук. СПб., 2004. 413 с.
28. Лапаев И.С., Алейникова А.Б. Общие положения уголовного процесса: учебное пособие. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2021. 170 с.
29. Лобанова И.С. Проблемы правового статуса подозреваемого до возбуждения уголовного дела // Novaum.ru. 2019. № 18. С. 287-289.
30. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с. <http://lawlibrary.ru/izdanie13403.html> (дата обращения: 15.06.2023).

31. Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

32. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2005 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 7.

33. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2015), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

34. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве: монография / науч. ред. Кокорев Л.Д. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 159 с. <http://lawlibrary.ru/izdanie46105.html> (дата обращения: 15.06.2023).

35. Определение Верховного Суда РФ от 25.02.2010 г. № 16-010-10 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

36. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2022 по делу № 88-2435/2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

37. Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 г. № 372-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефименко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

38. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 268-О «По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 6.

39. Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 г. № 1232-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмидт Елены Витальевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 29, 165 и 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

40. Осипов И.Д. Личность и цивилизация в философии В.П. Тугаринова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Куртуриология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 4. С. 84-90.

41. Победкин А.В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66-77.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право

на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

47. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 07.09.2016 г. № 72П16: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2016. № 4, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 11.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

49. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2021. № 12.

50. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.Г. Мановой. - М. : Юрлитинформ, 2019. 360 с.

51. Пушкарев В.В. Принцип процессуальной независимости и самостоятельности в соотношении с уголовно-процессуальными функциями следователя и должностных лиц прокурорского надзора // В сборнике: Третьи Академические чтения по актуальным вопросам юриспруденции: сборник материалов Общероссийской научно-практической конференции. Тамбов, 2016. С. 332-335.

52. Россинский С.Б. Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе: откуда появился 48-часовой срок задержания и как с ним быть? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 31-38.

53. Семёнов Е.А. Фактическое и уголовно-процессуальное задержание: проблемы разграничения и неточности законодательной техники // Научный Вестник орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 69-74.

54. Семенцов В. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2010. № 1. С. 100-103.

55. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под. общ. ред. А.В. Смирнова. - 8-е изд., перераб. - М. : Норма: ИНФРА-М, 2023. 784 с.

56. Стройкова А.С. Гарантии прав обвиняемого на предварительном следствии: дисс... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2005. 141 с.

57. Судебная статистика РФ по уголовному судопроизводству: применение меры пресечения за 2020-2022 гг. URL. <https://stat.апи-пресс.рф/> (дата обращения: 13.06.2023).

58. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. - СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. 583 с

59. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

60. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

61. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

62. Федеральный закон от 13.06.2023 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 25. Ст. 4409.

63. Хазиев Р.М. Ограничение права на неприкосновенность частной жизни и личности в ходе расследования уголовного дела: дисс. канд. юрид. наук. Уфа., 2016. 214 с.

64. Шамсутдинов М.М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 169-174.

65. Щербакова М.А. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 99-106.